

БАЙКИ **С ЛУБЯНКИ**

Александр Михайлов

Байки с Лубянки.

Автор этих коротких рассказов Александр Михайлов – генерал-майор запаса ФСБ, Член Союза писателей России. Окончил факультет журналистики МГУ, работал на разных должностях КГБ, МБ, ФСК, ФСБ России. Прошел путь от младшего лейтенанта до генерала.

После ухода из МВД в течение пяти лет находился на творческой и преподавательской работе. С созданием новой российской спецслужбы – Государственного комитета Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ был приглашен на должность заместителя Директора. Ныне руководитель департамента ФСКН.

Автор популярных среди сотрудников спецслужб повестей «Встать до счета «три», «Кевларовые парни», «Капкан на одинокого волка», «Контрольный выстрел». В соавторстве с Еленой Галкиной является автором сценария фильма «Мужской талисман».

По мнению Александра Михайлова самоирония одно из многих качеств, которые позволяют человеку выжить сегодня. «Байки с Лубянки» непридуманные истории в разные годы случавшиеся, как с ним, так и с его коллегами при решении сложных и серьезных задач по обеспечению безопасности государства. И как всегда трагическое и комичное соседствуют рядом. Часть историй он наблюдал сам, некоторые ему рассказывали коллеги. Александр Михайлов утверждает, что чем чаще он рассказывает коллегам байки, тем чаще ему рассказывают новые.

1. Как “Кобзарь” кальций в организме восстанавливал

Был у меня приятель. Нормальный, в общем, человек, но увлекающийся. Однажды на смену увлечениям марками неожиданно загорелся идеей – собирать маленькие бюстики великих людей. Знаете, такие маленькие продавались?

Решил начать с нейтральных фигур. Достал шесть рублей – купил маленький гипсовый бюстик Тараса Шевченко. Принес домой, поставил на письменный стол. Любуется.

Радость была кратковременной. Через день вернувшаяся жена обнаружила измазанного чем-то белым по самые уши младшего четырехлетнего сына. Каково же было ее удивление, когда она увидела лежащий на полу огрызок, оставшийся от бюста классика. Съел ее сын Тараса Григорьевича. Видно, кальция в организме не хватало. После этого приятель гипсовые фигурки не покупал.

.Все лучшее детям!

В московском управлении КГБ был музей. Хороший, от посетителей отбоя не было. Но вот незадача – от посещения различного рода делегаций скопилось в запаснике подарков видимо-невидимо. И ковры, и поделки разные, и чугунные бюсты вождей. Что с ними делать? И так и сяк рядили с товарищами, не знаем. Списать нельзя и хранить негде. Да и эпоха сменилась. Ну, что делать с отливками Макса, Энгельса и Дзержинского. Ничего против них мы, естественно, не имели, но...

– А сходи ты к шефу. Он человек решительный.

Иду. Так, мол, и так, говорю, скопилось множество вождей, что делать, не знаем.

– А что вы имеете ввиду?

– Ну, скульптуры Ленина, Маркса...

Тут его телефонный звонок отвлек. Чувствую, не ко времени пришел. Разговор идет на повышенных тонах. Да и вопрос серьезный. Мнусь с ноги на ногу – «Не ко времени пришел».

Закончил он разговор, меня увидел.

– Ну, что у тебя?

Краснею, да отступить некуда.

– С подарками что делать? – спрашиваю.

– С подарками? – Лоб морщит, вспомнить, о чем речь, пытается. – С подарками?.. Отдайте в детский дом.

Так с открытым ртом я и вышел. Хохотали мы потом, глядя на тонны чугунных вождей. А для себя я вывод сделал – не лезть с глупостями, когда серьезные вещи решаются.

3. Это вам, товарищ генерал!

Однажды был я в областном управлении КГБ в командировке. Порешали вопросы и пошли обедать. Идем мы по коридору втроем – я, мой коллега Сергей Михайлович, да начальник Управления генерал майор. Вдруг перед нами распаивается дверь и вылетает заполошный опер. И не виды нас кричит кому-то в кабинет: - Мудак!

Мы так и остолбенели.

- Это вы мне, молодой человек? – вкинул брови Сергей Михайлович.

- - Что вы, Сергей Михайлович, не вам...- растерялся опер.

- - Это вам, товарищ генерал!- успокоился Серега и пошел дальше по коридору.

4. Легенда о младшем почтальоне.

Давно это было. Во времена тоталитаризма и разных социальных экспериментов, связанных с сервисом. Но речь не об этом.

На лубянке готовились к проведению серии обысков. И как положено накануне собрали всех участников – прокуроров, следователей, оперов. Разбили всех на оперативные группы, раздали Постановления на производство обыска, время начала операции определили – 7 часов утра.

Зима была снежная заносы. А один наш коллега в Одинцово жил. Короче, приезжает он на вокзал в семь тридцать и голову ломает. Куда ехать? На Лубянку приедешь «по башке получишь», в адрес... Короче принял он волевое решение ехать в адрес.

А объект ему достался ну забулдыга редкий, хоть и человек серьезный. Он всю ночь пил и лег спать только около пяти утра. В общем, спит, а тут звонок.

А в это время на Лубянке суматоха. Не помню что случилось, но бригада еще и не выезжала. То ли печать забыли, то ли фамилию в Постановлении перепутали... Короче все бегают, ругаются.

А наш опоздавший уже на кнопку звонка давит. Через несколько минут в двери появляется небритая со «следами сабельных шрамов от подушки» рожа.

- Наши здесь? – брякнул оторопевший опер. И тут же понял что «наших нет». Форс-мажор полный. И отступить некуда. Хорошо что «рожа» с перепоя вопрос не понял.

- Ты, кто,- спрашивает он. А сам не поймет на том он свете или на этом.

- Почтальон,- по классической схеме отвечает опер.

- Проходи.

- Вошел опер в квартиру и сразу на кухню. Сел на табуреточку и сидит, соображая, что делать. А «рожа» прям из-под крана воду хлещет. Трубы горят.

- Попил, полегчало.

- Ты кто?- снова спрашивает он.

- - Почтальон,- держится легенды опер. Уходить нельзя, к телефону подпускать тоже, короче «всех впускать, никого не выпускать».

- - А что надо?

- - Телеграмма вам.

- - Так давай, – протягивает руку.

- Я – младший почтальон. У нас новая форма обслуживания – сначала младший почтальон приходит, предупреждает клиента. Потом старший телеграмму приносит.

-А, вот что?- не понять «роже» замысла стратегического. – Ну что ж будем ждать.

А сам снова воду хлещет. Сидят, чай пьют, разговоры разговаривают. А наш-то и где почта местная не знает. Прямо обмирает весь. Клиенту, правда, не до почты и телеграммы – плохо ему. Да и нашему не лучше, но по другой причине...

И только у клиента сознание стало возвращаться – звонок в дверь.

- А вот и твой старший пожаловал, - обрадовалась «рожа». Но телеграмму он уже в другом месте получал. Дверь открыл, а там прокурор и два понятых.

5.Может сказать что хотели?..

Служба по борьбе с оргпреступность получила сигнал, что в Москву привезли большую партию оружия. И адрес наша наружная разведка дала. Улица такая-то, дом – такой-то. Пока все детали уточняли, ночь наступила. Короче часа в два приезжаем в адрес. Хрущеба, в подъезде лампочек нет. Мрак. Фонариком посветили, нужную квартиру нашли – звоним.

- Кто? – спрашивает мужской голос.

- «Кто-кто? Ив Кусто» – Милиция,- отвечаем.

- Не вызывали,- хамит он через дверь.

- Открывай,- говорим,- Дверь выломаем.

А он на второй замок. Щелк, щелк. Тут времени терять нельзя, не в игрушки играем. Ба-бах кувалдой по двери. Она в щепки. Влетели, всех на пол... Ищем, ищем. Нет ничего. Но ведь партия гранатометов не иголка. И тут мысль страшная озаряет.

- Корпус, какой?- шепотом спрашиваю руководителя операции.

- Второй,- говорит.

- А это – первый!

В общем, ушли мы тихо по-английски. А те, по-моему, так и не поняли, зачем дверь сломали, всех на пол, сапогами топали. «Может сказать чего хотели?»

Но гранатометы мы нашли. Там, где надо. Целый уазик нагрузили. Но корпуса все-таки сверять стали.

6.Гуд бай Америка.

Сколько сказано про чекистов, которые во времена столь давние сопровождали творческие коллективы за границу. Даже песня такая была на мотив «Сурка». Помните – «и мой сурок со мною».

Но и сами сопровождаемые часто в памяти оперативников оставляли незабываемые впечатления. То по помойкам автомобильным лазят, то бумагу в общественных туалетах воруют и попадают...

Много лет назад один уважаемый коллектив выезжал в Штаты. Гастроли шли в сложной обстановке. Только что над Тихим океаном был сбит южнокорейский Боинг. Демонстрации, провокации сопровождали коллектив все гастроли.

Но всему приходит конец. Оперативный работник считал минуты до отлета. Собран чемодан, через час должен подойти автобус, чтобы отвезти наших артистов в аэропорт.

Вдруг звонок. Рыдающий голос одного из артистов буквально молит о помощи – «Зайдите, пожалуйста! Очень прошу». Нервы и так на пределе, а тут такой звонок. Адреналин ударил по ушам.

Опер ворвался в номер «звезды» тайфуном Торнадо. На артиста было жалко смотреть. Мокрый, трясущийся он напоминал гадкого утенка, который мечется по комнате, хлопая крыльями, и громко гогочет.

То, что увидел опер, его потрясло. На кипельно белом пушистом ковре, среди осколков разбитого стеклянного столика, расплывалось огромное кровавое пятно. На полу валялся нож, посуда, какие-то пакеты...

Единственно чего не было, – не было трупа. То, что он должен быть опер не сомневался. Он бросился в ванную, но там царил стерильность и чистота.

- Где труп?- выдавил он.

- Артист чуть не в бессознании бухнулся в кресло.

- Какой труп?

То, что он поведал, оперработник не забудет никогда. Оказывается, собирая вещи и выбрасывая все ненужное «звезда»

обнаружил сморщенный пакетик русского борща. Или супа – письмо, как его называли в быту. Ностальгия ли накатила, голод ли, но он достал из чемодана электроплитку, поставил ее на стеклянный столик и налив в огромную солдатскую кружку (все это атрибуты кочевой жизни) стал варить. Нагрелась плитка, закипел суп, горячие капли брызнули через край и... Стекло дорогого столика не выдержало издевательств.

Престиж русской богемы мог быть поколеблен. «Мало нам Боинга что-ли...»

Моментально сообразив, опер стремительно выработал план и моментально его осуществил. Через пять минут огромный лоскут такого же ковра был вырезан лезвием «Балтика» в холле этажом выше. Несколько мазков клеем и вот уже на месте кровавого пятна такой же чистейший коврик. Даже расческой по нему прошлись, чтобы волокна легли как надо.

Такой же столик был тайно умыкнут из соседнего пустующего номера. (Благо инвентарных бирок нет).

Через полчаса еще возбужденный опер и ополоумевший артист покинули отель.

Гуд-бай Америка!

PS. В 1993 году мой приятель увидел своего клиента. На артистической тусовке тот пел песенку «и мой... со мною». И глядя на мануфактурного певца, опер видел перед собой трясущегося, перемазанного красной жижей постояльца отеля «Хилтон».

Но как давно это было...

7.А про сальмонеллез – ни слова!

В 1991 году грянули выборы в Верховный Совет России. И в отличие от прошлых лет, когда баллотировались только определенная категория начальников, в этот раз разрешили всем кто хочет. И началось!

Были созданы штабы и группы поддержки. Работа закипела. Мне же поручено было обеспечивать выборы своего шефа. Мотались мы с ним по всей московской области. С народом встречались. Ног к исходу компании не чувствовали, да и язык во рту разбухал от речей.

И вот однажды приехали на встречу с избирателями в какой то биологический институт. Что-то с животноводством связанный.

Шеф был в ударе. И про разведки и про контрразведки рассказал. Но вдруг! И с чего бы это? Он вспомнил о доложенной ему справке по состоянию с сальмонеллезом. В Московской области. И началось...

Он начал про сальмонеллез, тем более увидел, что не перед ткачихами выступает... Зал мирно дремавший встрепенулся. Сначала была тишина – комара слышно. Глаза заблестели, уши зашевелились. «Попал шеф в точку!» – подумал я. Да и он понял, что – вот он успех. Мы – чекисты и не такое знаем! Зал от изумления стал приходить в какое-то состояние транса. Сначала замер, потом задрожал, потом взорвался гомерическим хохотом, чередуемым в наиболее патетических местах громовыми аплодисментами. Когда на высокой ноте он закончил речь, встала плачущая от смеха женщина.

Я – доктор биологических наук. Специалист по птицеводству. А вы (она назвала имя и отчество шефа) невероятно обаятельный

человек и судя по всему честный и открытый. Я, безусловно, буду голосовать за Вас. Но о сальмонеллезе – я умоляю! – никому не рассказывайте. Вы в нем ничего не понимаете!

- Да?- Искренне удивился шеф. – Хорошо не буду!

От аплодисментов задрожали стекла. Как оказалось, на этом избирательном участке у шефа были самые лучшие результаты.

О сальмонеллезе он больше никому не рассказывал.

8.А ламбрекен твой, где?

Заступает молодой опер на дежурство. Принимает все по описи. Чайник-1, графин-1, портрет-1... Ну и так далее. Отдежурил. Стал сдавать новому дежурному. Тот снова по описи – чайник –1, портрет – 1, графин –1, шторы –2, ламбрекен –1.

А новый из армейских был – дотошный. Как пристал - где ламбрекен? А молодой тоже в академиях не учился. Что такое ламбрекен? Поискал, поискал, в сейф заглянул. А там какая-то железяка ржавая лежит. Вот ламбрекен, - говорит.

Тот успокоился.

Прошел месяц. Читает начальник рапорт о сдаче – принятии дежурства: глазам не верит. «Пропал ламбрекен». Как пропал?

Заглядывая в дежурку. Как висел этот ламбрекен, так и висит. А железяку кто-то выкинул.

9. А ему-то это зачем?

Когда я первый раз заступил на дежурство по управлению, то специальных дежурных бригад еще не было. Был только один штатный дежурный, которому в помощь выделялись сотрудники разных служб по графику.

Не успел я осмотреться, как звонит штатный дежурный – спустись подменить. Пообедать хочу.

Сел я за пульт, глаза разбегаются. Кнопки, лампочки. Одних телефонов штук сорок. Правда, на каждом написано, чей это аппарат. Этот начальника, эти замов. По этому надо отвечать так, по этому этак...

- Ты самое главное вот этот, - он показал на телефон начальника управления, хватай первым. Если после третьего гудка снимешь трубку, – считай, что не жилец.

Совсем запугал. Сижу – потею от страха. За спиной вся Москва. Можно сказать на моих плечах. Вдруг за окном «фау-фау-фау» – пожарные куда-то поехали. И тут же звонок инфарктника – ШЕФ!

Хватаю трубку. – Помощник дежурного...

А он и не слушает. – Куда поехали пожарные? – и кладет трубку.

А Бог их знает куда. Сижу горюю. И звонить куда не знаю. Ну, позвоню в 01 и что спрошу. Караул просто.

А тут дежурный пришел на мое счастье. Рассказываю ему про свою беду. И чувствую себя не опером, а козлом последним, который элементарный вопрос решить не может.

А тот на меня не глядит. Берет трубку прямого аппарата и бодро докладывает – Товарищ генерал, девятая рота проводит ученья.

Тот что-то буркнул и дал отбой.

У меня аж дыхание от восхищения перехватило. Вот школа!

- Товарищ майор, а откуда вы узнали, что девятая рота поехала на ученья?

- А я и не знал. Ну, скажи, зачем генералу знать, куда поехали пожарные? Ему-то это зачем? – и дежурный улыбнулся. – Запомни, сынок, оперативная обстановка такова, как ее доложишь.

10. Губит людей не пиво, а интеллигентность.

Будничная суэта некоторых дежурства по московскому Управлению КГБ разбавлялась занятными эпизодами, которые в первом приближении носили драматический оттенок. Однако их развязка вызывала улыбку, кое-какие переходили в разряд устных преданий.

Майская трагедия 1985 года – антиалкогольные драконовские постановления – породила множество ситуаций, которые в нормальном обществе воспринимались бы не просто как нелепость, а как клиническое состояние требующее немедленной госпитализации. Облавы на подвыпивших москвичей стражами правопорядка, существенно поправили их материальное положение, а для отдельных малобдительных субъектов встречи с милиционером становились началом конца прекрасной карьеры.

Именно потому чекисты, как и прочие нормальные люди, изворачивались в поисках безопасных форм «встреч с портвейном». Непоправимые последствия трезвая лигачевщина нанесла системе оперативной работы, которая строилась на нормальном человеческом общении, в том числе и за столом. При этом приходилось конспирацию удваивать, а деньги отпущенные на такие контакты списывать, чуть ли не на катание на аттракционах.

Рейды по вызволению своих коллег из рук блюстителей трезвости стали если не регулярными, то вполне очевидными.

Однажды в приемную УКГБ по Москве и Московской области принесли кожаное пальто, в кармане которого лежало удостоверение сотрудника нашей «управы». Самого сотрудника в этом пальто, как вы догадываетесь, не было. Не прошло и часа, как в приемную принесли пиджак того же сотрудника. А еще через час его портфель с документами. Столь удивительная дематериализация духа нас не просто встревожила (честность москвичей мы даже не успели в суматохе поисков оценить. И пальто и остальные вещи были более чем приличные), а просто «поставила на уши». Поисками тела занялись наши подразделения и в Москве и области.

Тело обнаружилось через три часа в его собственной кровати. С помощью остатков сознания и опроса свидетелей удалось установить картину не просто высочайшей бдительности, но и чрезвычайной интеллигентности нашего коллеги в пограничном состоянии между трезвым умом и здоровой памятью и полной невменяемостью.

В тот вечер у него была встреча с источником, который вернулся из-за кордона и привез замечательные по значению оперативные материалы. Не отметить такое – значило нарушить вековую традицию.

Помня о свирепствующем на улицах столице антиалкогольном мракобесии, опер стал дышать реже и преимущественно в себя. Сторонясь контролируемых улиц, он «огородами» добрался до троллейбуса. Когда онный подошел, бедолага тщательно вытер ноги, снял и повесил на столб свое кожаное пальто и, поздоровавшись с пассажирами, вошел в салон. Там, спросив разрешения у дам, снял пиджак и повесил его на спинку сиденья. Пройдя в начало салона, он расположился на переднем сиденье, где стал изучать полученные материалы. Скромно, интеллигентно. На следующей остановке через переднюю дверь вошла девушка, которой, как галантный кавалер, наш коллега уступил свое место. (Троллейбус был пуст). Спрятав на теле полученные от источника материалы, он через две остановки сошел.

Когда все обстоятельства были сведены в единую цепь, мы поняли, что губит людей не пиво, а природная интеллигентность, не позволяющая входить в пальто в городской транспорт.

Рапорт на увольнение он подал сам.

11. Не ходи в разведку с золотом.

Однажды во время моего дежурства по Управлению КГБ приходит в приемную женщина. Симпатичная, можно сказать красивая, если бы не опухшие от слез глаза. Теревит в руке платочек и рассказывает.

Месяц назад познакомилась она с молодым человеком. Интересным, видным. Дело молодое. Завязался между ними роман. Рестораны, кино, богемные творческие дома. И вот однажды открывает он перед ней тайну. Дескать, является он тайным советским разведчиком, который готовится для отправки «в тыл

врага». И нужна ему для выполнения задания подруга верная. Что увидел он такую подругу в ней – единственной и неповторимой. Так, мол и так - ставит он вопрос в лоб, – Будешь моей Кэт?

Подумала она и решилась. Написала ему заявление, – дескать, прошу принять меня в ряды советской разведки, военную тайну хранить умею... Через неделю он ей сообщает, что ее просьба на 90 процентов удовлетворена, Что проверили ее, изучили. По всем параметрам проходит. Но надо последнюю проверку пройти. Выйти в свет, да так чтобы «свет» этот померк при ее появлении. Дескать, будут в том свете его начальники, которые со стороны посмотрят, как она вписывается, а атмосферу. А для этого и одеться надо получше, и бижутерию одеть не липовую.

Короче обежала она подружек, собрала у кого что было. У кого шубу, у кого платье. А золота собрала – как новогодняя елка в рождественскую ночь.

Пошли они в Дом кино. Ходят под ручку- пару светскую изображают. Все на нее оборачиваются – еще бы платье от Юдашкина, золото от Кольчугина.

Возвращаются домой. А он ей и говорит. Завтра, - говорит,- испытание по физподготовке будет. Надо нормы сдать. И по бегу и по стрельбе. И есть, говорит, испытание по подъему на восьмой этаж без лифта. Давай, говорит, проверим, удастся тебе уложиться в норматив?

Подходят к дому девятиэтажному. Достает он секундомер и говорит - беги. Рванула она на восьмой этаж бегом. Бежит – сердце выскакивает. Опустилась вниз на лифте, а он смотрит на время и головой качает – трех секунд до норматива не хватило. Давай, говорит, попробуем еще. Только ты,- говорит,- шубу сними, я

поддержу. И сумочку тоже. Отдала она ему все (а в сумочке все золото которое она у подруг взяла).

Рванула снова вверх по этажам...

Что дальше - наверное, понятно. Ушел ее разведчик в тыл врага с трофеями... Слушал ее и думал, – а есть все-таки вера в наши органы.

Правда, помочь мы ей так и не смогли.

12.Просачивайтесь по одному, просачивайтесь...

В оперативной работе суета – первый враг. А если суетится начальник, то вообще дело – труба.

Но что поделаешь, чем серьезнее задача, тем больше начальников вокруг нее крутится. И кому надо и кому не надо, но награды хочется.

Контрразведка завершала дело по шпионажу. Точка должна была быть жирная и красивая.

Объект жил в Подмосковье. Городок небольшой и каждый новый человек на виду. Поэтому к захвату с поличным готовились тщательно. По сигналу руководителя операции группа захвата должна была стремительно ворваться в квартиру и взять с поличным и агента и разведчика. Сидит группа захвата в автобусе команды ждет. А в соседней машине их начальник от нетерпения исходит. И вот идет сигнал – «атака!». Вылетает группа захвата из автобуса, да в подъезд. А квартира на восьмом этаже. Пешком? На лифте?

И как назло лифт двери распахнул. Туда они и влетели. Но не успели створки замкнуться, как тот самый начальник бочком, юрк. И

приобщился. А лифт – вещь капризная. Дернулся он до второго этажа, да и замер посередине. Перегруз! Что делать?

А руководитель операции кричит снова «Атака!». Это значит, что разведчик агенту деньги отдал, а материалы секретные в портфель уже положил.

Бьются опера в лифте, как птицы в клетке, да своего шефа последними словами кроют.

Кое-как раздвинули дверь, да толкают друг друга по очереди в образовавшуюся щель.

А участники сделки, уже не дождавшись лифта, вниз пешком двинули. Какого же было их удивление, когда перед ними на карачках группа захвата в масках, касках и бронежилетах из лифта вылезла.

Взяли, конечно. Правда, потом долго вспоминали, как начальник суетливый да потный толкал их в зад, да приговаривал – «просачивайтесь, просачивайтесь!»

13. Стучать надо вовремя.

В театре шла опера. На первый взгляд обычная, согласно текущего репертуара. И, тем не менее, в зале висело напряжение. Да и как иначе, если в ложе сидит ответственное лицо из Политбюро. Естественно в зале и там и сям угадываются люди с определенными функциями.

И не только в зале, но и за кулисами и в оркестровой яме. Стоит в уголке человек, да посматривает, как музыканты играют и не замышляют ли чего. Но там все нормально. Скрипачи смычками

водят, духовые щеки надувают. Дирижер, как и положено палочкой...

Но один сидит возле литавры, да книгу читает. Почитает - прислушается. Почитает, – прислушается. Что за человек? Чего это он тут делает. Неуютно охраннику. Все чаще на него он взор свой бросает.

И вдруг, откладывает тот свою книгу, настораживается. А музыка все мрачнее, все тревожнее... А этот нагибается, и что-то под стулом шарит. Насторожился охранник. А тот вдруг что-то в руку взял да уже привстает. И вот он уже во весь рост встал.

И, Боже милостивый! И видит охранник в сумраке ямы в руке у него противотанковую гранату на длинной ручке. Вот уже замахнулся он и... охранник, прикинувший траекторию – точно в ложу должна она лететь - холодным потом покрылся... Бросился он через пюпитры, схватил за руку злоумышленника. А тот хоть и не ожидал, а гранату свою не отдает. Сопят они, возятся. Пюпитры падают. Ноты на пол летят... И понимает охранник, что если сейчас он не отберет у злодея гранату, то... И понимает ударник, что если сейчас, через четыре такта он не стукнет, то... И возобладало чувство долга, мобилизовались ресурсы. Оттолкнул он охранника, да вмазал, что было сил своей колотушкой по литаврам.

Знал он с детства, что стучать надо вовремя.

А охранник? Отлетел он к дверям, ударился головой о косяк, да сознание потерял. Очнулся на руках у злодея и понять не может – что же это было. Разобрались потом. Больше этот охранник в оркестровую яму не спускался, а ударник написал заявление об уходе по собственному желанию.

14. Шутка дома номер тридцать.

Несколько лет в Москву приехал дипломат. Из тех, которые относятся к рыцарям плаща и кинжала.

Естественно КГБ об этом знал и вниманием этого дипломата не обделял. Работали по нему плотно. И он это чувствовал кожей.

Но нахалом был. Видно так его учили в разведшколе.

И на красный свет ездил, и через проходные дворы убегал. Мучились с ним страшно. И потерять нельзя, и заботу свою отеческую не показать.

Повадился от наружной разведки через арку дома номер тридцать, что по Скатертному переулку. Юрк туда и ищи ветра в поле. За ним пойдешь расшифруешься. Не пойдешь за ним – объекта потеряешь.

Повесили тогда над этой аркой запрещающий «кирпич». А он на него и не смотрит. Еще чего! Если и красный свет для этого дипломата не указ.

Но на хитрую... бестию нашли укорот.

Однажды ночью приехали ребята и наружи к этому дому, да вкопали на выезде из арки бетонный столб.

Вылетел наш дипломат из посольства. Да давай по Москве круги писать. И как всегда на Скатертный едет. А ребята идут за ним да ждут только когда свой интерес обозначить. В азарт вошли. Он на Скатертный они свой «нос» ему показали.

Тот естественно нырь в арку. А там – картина «Не ждали».

Два часа «Мерседес» со столба снимали.

А дипломат? Оштрафовали его... когда из больницы вышел.

Больше через арку разведчики не ездили.

15. Не стреляйте сизых голубей.

В восьмидесятых годах ремонтировали Центральный клуб имени Ф.Дзержинского. День и ночь шла работа. Вместе со строителями работали солдаты стройбата, благо живой силы в те годы в армии было достаточно. Клуб расположен был в одном здании с так называемым сороковым гастрономом, который стоит углом по Большой Лубянке и Фуркасовскому переулку. Прямо, напротив, через этот Фуркасовский стоит основное здание КГБ – дом два.

Был разгар рабочего дня. И вдруг в кабинете одного весьма большого начальника раздался щелчок по стеклу. Смотрит он, а на стеклах две параллельные дырочки. Такие обычно остаются от пули. И точно около стены валяются пули от пистолета Макарова.

Что тут началось. Терракт! Тут тебе и Дежурная служба, и следователь, и эксперты. Точно пуля. Чуть помятая, но вполне нормальная. Подняли на ноги всех. Баллистики просчитали траекторию – стреляли явно с крыши сорокового гастронома. Начали проверку всех, кто работал в тот день. Долго копались в ситуации. Но нашли злоумышленника.

Им оказался солдат первогодок из стройбата. Когда ремонтировали Клуб, то разбирали находившийся в подвале тир. А в пулеловителе, что за мишенями пуль этих, аж с тридцатых годов. Наковырял солдатик этих пуль, сделал рогатку, да развлекался, стреляя по сизым голубям. Вот и промахнулся. Не в того голубя пуля полетела...

Посидел на «губе» и осознал, что не надо стрелять по сизым голубям.

16. Что хотят, то и делают.

В восьмидесятых годах, как известно КГБ не только шпионами занимался. Но инакомыслящие были под опекой. Однажды приходит информация, что группа дессидентов хочет провести демонстрацию в количестве... восьми человек. По тем временам злодейство неслыханное.

И с момента получения информации стали этих восьмерых «пасти». И была среди них особа молодая, да наглая. Почувствовав «хвост» стала она от этого «хвоста» бегать, благо силы были, да сноровка спортивная. И по улице, и по метро. С поезда на поезд перепрыгивала, по эскалаторам вверх носилась. А работали в те годы в «наружке» люди солидные. Многие в возрасте. Не по силам им такие марафоны.

Набрали бригаду из молодежи, да и та к концу дня «язык на плечо». Но была в бригаде дама. Мария ее звали. Спортивная и дородная. Кожаное пальто в обтяжку – ну девушка с веслом из Парка Горького однозначно. И началось. Та вниз по эскалатору, наша за ней. Та вверх по эскалатору – наша не отстает. Просто бег с препятствиями. Но всему приходит конец. И вот, сбежав в часы пик по эскалатору на станции Площади революции, фактически оказались в тупике. Помощь не подтянулась и потому Мария, можно сказать, лицом к лицу со своей подопечной. Прижала она своей кожаной грудью диссидентку, да последнее предупреждение ей на ухо шепчет – «Если ты еще...»

А в это время со стороны станции Курской шел поезд. Тогда еще поезда водили машинист и помощник. И случилось у машиниста незадача. Так схватило живот, что ни терпения, ни возможности больше нет. Пока поезд в туннеле шел (а время от Курской до Площади революции минут пять) открыл он свою дверь и повис на поручнях. Да не рассчитал – тут станция. Так он мягким местом наружу вдоль платформы и пролетел. Шок конечно у всех. Но самый большой шок испытала та самая диссидентка, мало того, что женщина ее кожаной грудью к краю платформы прижимает и шепчет «Если ты еще...», так что-то розовое неприличное ей машинист показывает. «Ну что хотят, то и делают!».

После этого происшествия диссидентка бегать перестала.

17. Не уверен – не садись!

В восемьдесят третьем году по делу о шпионаже сотрудники КГБ проводили негласный обыск. По старой традиции тех лет надо было влезть в квартиру и посмотреть где, что лежит, да и лежит ли вообще. Получили санкцию. Собрались, поехали.

Едет бригада на дело и вдруг в окне машины видят очередь стоит – чернослив дают. Тут один (назовем его Шурик) просит: «Дайте братцы сестре в больницу куплю». Ну остановились, отодвинули очередь от прилавка. Купил витамины. То ли кило, то ли два... Подъехали к адресу. А тут заминка, самого-то объекта нет он в командировке, а баба его никак на работу не уйдет. Пока муж бьется над делами государственными у нее «ласковый май»...

Короче сидят, ждут окончания процесса... Шурик наш то ли от нетерпения, то ли от нервов свой чернослив ест. Ест себе и ест... На него и внимания не обратили, как он весь килограмм умял.

А тут и баба объекта на работу пошла. Посидели мы еще минут тридцать, отпустили ее подальше от квартиры да и полезли.

Но если что не заладится, то во всей цепочке сбой идет. Оказалось, что с отмычкой проблема. Пока техник с замками возился чувствуем что-то неладно: наш Шурик пятнами пошел. Никто сначала не понял, а потом... Чернослив, понимаешь. Стоит Шурик потный весь, шевельнуться боится. А у техника как на зло замок заело. И так и этак он... Возились минут сорок. Открыли. Шурик оттолкнул всех и первым в квартиру. На автопилоте сразу по адресу – в клозет успел бедолага. Посмеялись мы над этой стремительностью..., но потехе час.

Короче работают опера, ищут что надо.

А Шурик тем временем разобрался с черносливом и счастливый, как слон дерг за ручку. А в бачке воды нет! Он туда-сюда, просто караул... Он к крану в ванной, а там тоже нет воды... Профилактика сетей, понимаешь.

Короче, думает себе Шурик, ладно пока работаем, может воду дадут. Ну, работают. Вдруг по станции – «Объект движется в сторону дома!». Как движется? Он же в командировке! Дело кислое. Сворачивают опера свои манатки и в дверь.

А объект – марал рогатый, ревнивый, как Отелл о видно учуял что. Сам в командировку отчалил, но решил свою Фросю проверить. Неожиданно явиться...

Открывает дверь, а тут русский дух, можно сказать всей нашей экологически вредной Русью пахнет. Он туда-сюда, нет никого. Открывает дверь туалета, а там Моблан, Арарат и Памир

еще сверху. Вообще Пик Коммунизма. И ко-о-осточ-ка от чернослива на вершине...

Короче, приходит его Фрося, а он ей без предисловий в глаз.

«Где, - орет, – мужик!» От наглости такой сортирной у объекта даже сознание помутилось. «Где мужик?» – орет. А она в толк не возьмет, о чем речь. Вроде все проверила двадцать раз, все убрала, что можно. Сама не покладая рук на работе трудилась... А он давит и уже на кухонный нож косится. И такой у него напор, что создалась Фрося. Ну был грех! Но люблю только тебя! Не вели казнить! Он ей снова в глаз.

Правда потом дали ему восемь лет, но это потом...

В общем наказали порок! И не один. Целых два. И шпиона посадили и неверную жену наказали.

18. Зашифруйте, тогда подпишу.

В доперестроечные времена была мода направлять различных партийных руководителей для укрепления КГБ СССР. В целом такая практика имела право на жизнь. В партийных органах не самые глупые люди работали. Но вся беда в том, что укрепление шло сверху. Назначали парт выдвиженцев на руководящие должности без оперативной практики. И возникали казусы, о которых не одно поколение чекистов вспоминало.

Назначили в московское управление КГБ одного такого боса. Видно не знали, как от него избавиться – решили им усилить органы. Наверное, по логике «Там непременно сам сгорит!». Он, безусловно, сгорел, но крови перед этим попортил...

Приносят ему однажды на подпись документ. А подписывать он не любил: все ему казалось, что подставить его хотят. Ну, входит опер и кладет ему материал на подпись. "Что это такое?" – шеф спрашивает.

«Шифровка! Срочная!» – отвечает опер.

Вертел он ее в руках. Уж так не хочется ему что-то срочное подписывать.

«Шифровка, говорите?»

«Так точно!»

«Что-то вы мудрите. Зашифруйте сначала, потом подпишу».

Опер так и сел. (Что подписывать-то – абракадабру из букв и цифр?).

Но спорить – себе дороже. Пришел поделился с товарищами. Посмеялись они, да и удумали. Написали эту самую абракадабру, да перекрестив, товарища к шефу и направили. И что вы думаете? Подписал!

Смех смехом, а документ пришлось у зама подписывать.

В прочем не долго мучились с этим начальником. Сгорел он. Но это уже другая история.

19. Лучше сто раз услышать, чем один раз увидеть.

У сотрудников наружной разведки разные клиенты попадают. И внимательные и не очень.

Но как бы ни было, со всеми надо работать осторожно, чтобы интереса не показать, не расшифроваться и разработку не завалить.

Но бывают случаи, когда и полная невидимость гарантии не дает. Случилось так, что в числе интересующих КГБ людей оказался слепой. Ну, совсем слепой.

Как Гомер. И возникла необходимость поработать по нему.

Хоть и радости мало, да и риска никакого. Поставили за ним работать стажеров.

День работают, второй. Ходит он себе палочкой по стене постукивает. Любо дорого.

Да вот незадача. Стала информация приходить, что расшифровал он наблюдение. Сначала думали, что кто-то со стороны за ними наблюдает. Ан нет.

Оказалось, что хоть он был слепым, да глухим никогда. А память слуховая была – дай Бог! Более того ориентировался в городе – зрячий позавидует. Догадывался, наверное, что могут следить за ним, а потому стал выбирать места безлюдные и тихие. Так по шагам он всех и вычислил.

Для кого как, а для него было «лучше сто раз услышать, чем один раз увидеть».

20. Он из любого полена Буратино сделает.

Самым высоким «полетом» в КГБ считалась способность опера создать условия при которых объект являлся с повинной. В ряде случаев это позволяло избегать возбуждения уголовного дела ограничиваться профилактикой – душещипательной беседой с разъяснением возможных последствий ведения «антиобщественной деятельности». Об этом можно написать целую диссертацию, но

хочется рассказать только об одной истории, которая произошла... Давно и далеко от Москвы.

Жил был «объект». И был он личностью от которой проблемы местный орган КГБ хлебал полной ложкой. Ну, редкий был козел! И тем не менее сажать вроде не за что, а делать с ним что-то надо.

И решили пригласить на профилактику.

Дело было в маленьком городке, где даже официальные учреждения не имели центрального отопления и отапливались печами.

Пригласили этого типа в горотдел КГБ к т. Антипову (как написано в повестке).

Пришел, отряхнул валенки. Дежурный ему на стул указывает. «Сиди, мол».

Сидит. Ждет вызова. А в голове картины навеянные давней историей, благо только недавно «антисоветскую книгу «Архипелаг Гулаг» прочитал. Короче неуютно ему. А тут еще рядом молодой человек огромным фингалом под глазом пятками по полу стучит. Нервничает. Сидят разговаривают. Ты за что?.. Ты к кому?.. Понятно что «за что» плечами жмут – дескать «не подозреваю даже». Когда тот что с фингалом фамилию «Антипов» услышал в себя ушел. И еще громче пятками застучал.

- А ты его знаешь? – спрашивает наш.

- И не говори. – и снова пятками от страха стучит.

- А что такое? – встревожился наш.

- Не спрашивай. – и на ухо тому. – Зверь! Поленом на допросе бьет. Видишь глаз...

Еще неуютнее нашему стало (человек он был наглый, но трусливый. И боли боялся). Но уходить нельзя. А перед глазами картины разные встают перед глазами.

К исходу часа вызывают.

В комнате интеллигентный человек приятной наружности.

- Раздевайтесь, присаживайтесь, - говорит. Все культурно.

Ну, наш уже и расслабился. Тепло, светло.

- Чего вызывали? – сам начинает разговор.

- А вы не догадываетесь? – поднимает бровь опер.

- Ни в коей мере.

- Неужели? - удивляется опер.

- Исключительно так, - хорохорится «наш».

И вдруг в комнату входит уборщица и с грохотом бросает у печки вязанку поленьев.

Как увидел «клиент» дрова, плохо ему стало. Вспомнил того, что с фингалом за дверью, водички попросил... Короче разговор начал сам без предисловий. Да еще бумагу с ручкой попросил.

Так и не понял опер почему такое откровение.

А тот, что с фингалом, когда закрылась дверь стер синюю краску под глазом, да по делам своим чекистским пошел. Знал он что вызывают человека нехорошего, да пошутить над ним решил.

Хоть и неудачно, да эффективно... Больше тем клиентом КГБ не занимался.

21. К непокрытой голове руку не прикладывай.

Много лет назад мой приятель – пограничный журналист вылетал в командировку на Дальний Восток. Край с суровым

климатом, невероятно снежной зимой. Впечатлений была масса, но одно оставило неизгладимое впечатление.

- Приехал я на заставу. Сугробы выше крыш. Тропинки буквально пробиты сквозь сугробы, образуя тоннели без крыш. Словно лабиринт в Древнем Риме. Хожу я по этому лабиринту и вижу как все грамотно, логично. Вот тропинка в казарму. Вот в столовую. Вот в сторону границы.

Но одна какая-то странная. Она идет от казармы к окну одного барака. «Что за тропинка думаю. – И вдруг идет наряд. Четко, в ногу. Идут они по этому лабиринту и вдруг сворачивают на ту самую загадочную. Хрум, хрум по снегу. И прямо к окну. Старший наряда дает команду «смирно!». А сам подходит к окну и стучит в форточку.

Отдергивается занавеска и в окне появляется всклокоченная голова. Увидела «голова» наряд и ныть за занавеску. А через пару секунд та же голова, но в зеленой фуражке.

Явно офицер. Открывает он форточку и зычно провозглашает, – Приказываю выступить на защиту государственной границы Союза Советских Социалистических республик!

А разводящий не менее зычно – Есть выступить на защиту Государственной границы..!

Все – развод состоялся. Повернулся наряд и двинул, как обещал по своему назначению.

А голова? А голова сбросила зеленую фуражку и снова на бок. Зима, однако...

22. Не рубите, мужики не рубите...

Есть на ныне Большой Лубянке дом номер 14. Сейчас там Инкомбанк. А раньше здесь размещалось столичное управление КГБ. А еще раньше... Да что там только не размещалось. Сначала там был особняк генерал-губернатора Ростопчина. Во время войны 1812 года (есть предание) там останавливался адъютант Наполеона Лористон, которого завоеватель направлял к Кутузову просить перемирия.

Но дело не о них. А о дереве. Корявом, нелепом, что растет около парадного входа.

В семидесятых годах пошла мода на голубые ели. Красивые деревья, торжественные. Сажали их, где надо и не надо. И решил хозяйственник московского управления КГБ украсить свой двор. Да вот незадача – растет какая-то коряга, вид портит. Ну, тогда вопросы решали хирургически – есть человек есть проблема, нет человека.... А что касается деревьев... Пришли двое в телогрейках, щелкнули ногтем по зубьям двуручной пилы, плюнули на ладони и... Вдруг за оградой истошный крик, как будто кого кастрируют. Глянули. А за ажурной кованой оградой человек беснуется. И кричит и руками машет.

Естественно к нему дежурные – «провокация!» Да на счастье его в это время начальник Управления подъехал. Короче разговор пошел. Оказывается человек этот ни кто иной, как ботаник заслуженный. Шел он по улице и вдруг видит, что какие -то люди к дереву с пилой подбираются. А дерево то –не просто дерево, а

канатное. Таких всего два в Москве. И оба охраняются государством. Увидел он варварство замышляемое и заорал – Не рубите, мужики! Не рубите!

Сидеть бы ему свои пятнадцать суток, да не судьба. Вник начальнику Управления в проблему, да разобрался с хозяйственником по полной программе.

Вот такая судьба у этого здания и его двора. И в войну 1812 года не сгорело, и лепнину свою с голыми Психеями и ангелочками на стенах сохранило и дерево... Видно судьба такая. Ведь это надо быть такому стечению обстоятельств: и ботаник в нужный момент поблизости оказался и начальник Управления... Просто белый рояль в кустах.

23. «Не хочешь испачкать брюки, не пугай клиента»

В годы «коммунистического рабства», как говорят ныне «демократы» валюта в СССР в почете не была. Наверное лица американских президентов нам, воспитанным в духе пролетарской ненависти, не нравились. На черном рынке за доллар давали два рубля, а в зале суда до «пятнадцати лет».

И тем не менее тяга к вечно зеленому в обществе была неизбывная. «Они» покупали, «их» сажали, «они» выходили и снова покупали и их снова сажали. Доллар шел по кругу.

Еще лейтенантом, мой приятель из службы «валютчиков» принимал участие в задержании крупного валютчика-бестии хитрой и опасной.

Работали за ним день и ночь, собирая и документируя доказательства. Все шло своим чередом. Объект даже не предполагал, что время для него стало замедлять свой ход и скоро он будет встречать рассвет часов на семь раньше, чем в Москве. И день будет сменяться ночью только два раза в год. То день, то ночь... полярная. Но... Выстроенная система его разработки дала трещину, в которую тот и ушел, оставив с носом несколько бригад наружной разведки поставив карьеру основного разработчика на край пропасти.

Не одна группа наружки моталась по адресам, пытаясь взять объекта. Но провидение пало на моего приятеля, который его вычислил в толпе, догнал, скрутил. Наверное от собственного страха публично при этом, походя «набил ему табло».

Валютчик был действительно крупный, но внешне маленький и тщедушный: плюнь-и развалится. Этаким бальзаковский Гобсек. Однако заинструктированный амбал-красавец по жизни, но салага в чине младшего оперуполномоченного по службе, жестко взял его на улице Горького, скрутил и швырнул в машину. Потя от азарта и чувства выполненного долга, а может и предвкушая тяжесть Ордена на груди он мчал по столице сверкая синим фонарем, издавая неприличные звуки клаксоном, чем вызывал восторг младенцев и пугал законопослушных граждан.

Но, въезжая во двор, не рассчитал траекторию. Богажником своей машины, словно фокусник он так изящно разбил две стоящие там конфискованные машины, что крупнейшая фигура в мире

фарцы в буквальном смысле наложила в штаны и лишилась дара речи. Наибольший эффект на него произвели разбитые машины во дворе Лубянки. Заговорив после часа нервного молчания, он сдал всех "своих" изумленному следователю.

Потом за стаканом чая Гобсек поделился, сформулировав свое признание коротко и емко: "Я видел, что вы сделали со своими машинами... Если вы свои машины не бережете, то что бы вы сделали со мной".

Его слова стали пророческими-валютчик получил на полную катушку: тогда с ними не церемонились.

24. Да тебя разве переговоришь...

Жил был начальник. Ни хороший не плохой. Так себе.

И был у него один недостаток – резолюции писать не любил. То ли лень было, то ли еще ответственности боялся. И писал он своим подчиненным на документах «Прошу переговорить». И так он этим своих подчиненных достал: не в бирюльки же на Лубянке играют и без резолюции начальника документ – не документ, что один из оперов перед сдачей в архив снизу под «Прошу переговорить» начертал «Да тебя, дурака разве переговоришь!»

Так и остался в истории бессмертный образ человека, который ответственность на себя не брал. И каждый, кто видит эту подпись, про себя думает, а что мои подчиненные про меня напишут.

25. Я объявил им бактериологическую войну

Приехал мой приятель из командировки с Крайнего Севера и такую историю рассказывает.

Городок, где он был малюсенький, что не на каждой карте его найдешь. Домишки по самые окна в землю вросли. Заборы латанные перелатанные. Но был в центре этого пункта дом. Вроде ничем не знаменитый. Такой же кривой, как и все, только белой известью выкрашен. Так его и звали «Белый Дом». А в том доме Белом располагалось местное отделение милиции. И тоже как городок маленькое. Несколько комнатушек, да СИЗО - следственный изолятор. Дурная слава о нем ходила. И причиной тому были клопы. Здоровенные, словно жуки майские. Попадет туда хулиган какой, так все проклянет и готов потом клясться на Уголовном кодексе, что попал сюда в последний раз.

Что только не делали и дустом их морили и холодом. Им все нипочем. Сначала исчезнут, вымрут как мамонты на морозе, а потом снова.

Но однажды мой приятель проник в тайну этих членистоногих.

Сидят они с начальником милиции у того в кабинете и пьют. Чай. Говорят о том, о сем. Вдруг милиционер зачем-то в шкаф свой полез. Открывает дверцу и у моего приятеля мурашки по телу побежали. Стоит там, рядом с сахаром огромная банка из - под импортного повидла. А там темное что-то шевелящееся.

«Что такое?»- спрашивает коллегу.

«Генетический фонд, – отвечает. - Клопы это» - говорит. «Я, говорит, объявил шпане местной бактериологическую войну. Заметил я, что больше всего боятся они не мордобоя, не сроков (тут они все герои!), а встречи с этими прекрасными насекомыми. Каждый, кто попадает ко мне в СИЗО, обязательно их запомнит. Начальников, да следователей много, а таких клопов нет нигде. Я их специально на развод держу, а то, понимаешь, санэпидстанция травит их почему зря. А где других взять. Как уедут люди в белых халатах из милиции я новую партию туда пускаю...»

25. Входя без приглашения, смотри под ноги.

Азарт сродни вирусу. От него весь организм страдает, и душа и голова и тело.

Морозной зимой реализовывали дело по хищению оружия. Долго за торговцами охотились, долго ждали. Но вот, наконец! Идет команда, что пора завязывать с бандитами. И оружие у них и покупатель при деньгах.

Славненько!

Рванули на нескольких машинах в Московскую область. Темно, хлопья снега, словно занавес парчовый. Не видно ни зги. Но прилетели на место, сориентировались. Вот уже и наружная разведка встречает. Замерзли бедолаги, всеми членами звенят – за версту в ночной тишине слышно.

Так, мол, и так. Все клиенты на месте. А место это гараж на огромной автостоянке. Подтянулись. Рассредоточились. Первыми

естественно тяжелых выставляем. А тяжелыми у нас называют группу захвата, потому, что на теле и в руках у них килограмм по сорок. Бронежилет, разгрузка с магазинами, рациями и прочей дребеденью. А голова как шар чугунный в бронированном шлеме с забралом.

Напряглись, сосредоточились, приготовились к рывку.

Крикнул начальник «Атака!» - рванули они двери гаража, гаркнули в несколько глоток «Стоять! КГБ!» И... испарились. Вот были, а вот уже и нет. Дематериализация какая-то.

А в гараже три мужика у верстака сделку обмывают. Видно только что стакан опрокинули, да так и застыли с закуской в руке. Что там Гоголю с немой сценой в «Ревизоре». Стоим смотрим, друг на друга, а в воздухе мат висит и непонятно кто такие художественные рулады исполняет.

А голоса чуть ли не из преисподней слышатся. Глянули под ноги, а там открытый зев черного погреба. Вот в него-то, как в волчью яму вся группа захвата и ушла.

Удивительно, что потом мы так и не поняли, как столь затяжной коллективный полет на глубину трех метров не имел жертв и разрушений. "Тяжелые" вылезли без единой царапины.

Но по ноги, входя без приглашения, смотреть стали.

26. За нас, за вас....

В КГБ Кабардино-Балкарии приехали для обмена опытом бойцы австрийского антитеррористического подразделения «Кобра».

Солидные, крепкие, как и подобает бойцу спецназа. Целый день они показывали чудеса своей подготовки. И все бы ничего, да только по-русски они «ни гу-гу». Ну, просто ни словечка.

- Это поправимо,- решили чекисты. – Наутро заговорят, как миленькие.

Подмигнули друг другу, и всех за стол. Что такое кавказский стол рассказывать не надо. Не каждый боец доживет до середины стола. Нормальные люди месяц к таким столам готовятся. А тут «Кобра» и без подготовки.

Утром чекисты пошли посмотреть результат своего эксперимента.

Заходят в комнату к одному бойцу. Толкают – Вставай!

А он не открывая глаз, шарит рукой по тумбочке в поисках стакана и на чистейшем русском

- За нас, за Вас, за Северный Кавказ.

Верно рассказывали в анекдоте, что у чекистов и мумии говорят.

Бац, бац и мимо...

Пронесло...

Один молодой опер сопровождал спортивную делегацию за границу. Шел сентябрь 1983 года. Кто помнит, знает, что именно в том сентябре советские войска ПВО сбили южнокорейский «Боинг».

Атмосфера вокруг спортивной делегации была прямо скажем не ахти.

Каждый день спортсмены имели дело с какими либо провокациями. То листовки разбрасают антисоветские, то пикеты выставят рядом с гостиницей. Молодой опер впервые в такую ситуацию попал. А тут еще перед самой поездкой коллектива сразу несколько измен было. И естественно в связи с этим его заинструктировали до потери пульса.

День, проходит, второй идет. Делегация, как один! Сплоченная, готова на любые подвиги.

И вдруг на третий день замечает опер, что один из членов команды какой-то не такой. Смурной, пугливый. Замкнулся в себе, держится особняком. К слову сказать, спортсмен был не просто спортсмен, а молодой чемпион Мира. Газеты о нем писали, как о новой восходящей Звезде. И еще в Москве внимание опера обращали именно на него. «Береги его пуще своего глаза!»- наставляли.

И вдруг что-то не то. Опер к нему и так, и сяк. Мол, что ты Ваня голову повесил, что не весел. А тот еще больше в себя уходит, да так, что все тревожнее оперу.

Все на экскурсию, а чемпион в гостинице остается. Все по магазинам, а этот опять в гостинице. Все чего-то покупают, а тот ни цента не потратил, хотя человек не скупой.

И видит опер, что все признаки готовящейся измены Родине. Мечется он в мыслях, что делать не знает. Покой потерял, сна ни в одном глазу. Так и ждет, что вот сейчас откроется дверь... Или раздастся звонок... Или еще хуже по радио сообщат, что такой-то, такой попросил политического убежища. А тут еще этот «Боинг»...

В общем один мается и другой на него глядя. А впереди соревнования. И ждут в Москве не сообщений вражьих голосов, а

медалей золотых, за которые наш опер своей башкой непутовой отвечает.

Так и мучался бы чекист, если бы не зашел к нему врач команды, да не поделился бы с ним своей тревогой.

«Что делать,-говорит,- прямо не знаю,- говорит. – Уж что я не перепробовал, а ничего с чемпионом сделать не могу...»

«А что такое? – встал в стойку наш. И чувствует он, что откроется сейчас страшная тайна.

Да понимаешь, несет парня. Может, съел чего. Я уже все средства перепробовал, а ничего не помогает. Как начал мучаться с Москвы животом, так до сих пор на расстояние прямой видимости от туалета не отходит...

От сообщения такого полегчало оперу. На радостях он не знал, как врача отблагодарить.

В общем, пронесло...

Обоих.

Тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин а не гость.

В оперативной работе трагическое часто соседствует с комическим. Логика с несуразицей.

В 1977 году террористы взорвали бомбу в метро. Пострадали невинные люди. Чекисты сбивались с ног в поисках преступников. Сотни бригад работали по розыску. Милиция, прокуратура. Все силовые ведомства объединились в этих поисках. О наградах не мечтали, жили надежной – найти подонков.

Тысячи людей были брошены на вокзалы, станции метро, автостанции.

Несли и мы с моим молодым коллегой службу на станции метро площадь Ногина. К концу дня ноги опухают от топотни по платформе, лица сливаются в одну сплошную массу. . И даже ночью в ушах грохот подходящих и уходящих поездов. И так день за днем.

Ходим мы себе в толпу всматриваемся. И если сначала мало чего замечали, то со временем глаз стал острее. И вдруг толкает меня приятель в бок. «Смотри!»

И точно идет по платформе мужичок. Странный какой-то. Озирается, словно боится кого. А сам как камбала – все бочком бочком, потому что подмышкой у него тяжесть какая-то. Вспомнили мы ориентировку, что взрывчатка была в чугунной гусятнице. Пробил нас пот.

Оглянулись по сторонам – милиции нет. Принимаем волевое решение – проверить документы, а если что так задержать.

Двинули мы за ним. А он шаг ускоряет. Мы прибавляем, он тоже. Увидел нас, так вообще на рысь перешел. А тяжесть у него подмышкой... Бежит он вдоль остановившегося состава, мы за ним пыхтим. «Стой»,- кричим., а он только прибавляет. А в составе уже металлический голос объявляет «Осторожно, двери закрываются!» И в этот момент он юрк в вагон. Мы за ним. А голос «Следующая станция «Таганская!»

Несется он по вагону, народ расталкивает. И вдруг бросает на пол то, что подмышкой было и шнырь в дверь. Грохнула тяжесть непомерная об пол, стекла в вагоне задрожали. А народ и без того напуганный как вскочит, как закричит. Дернули мы стоп кран, бросились все в двери...

Но взрыва нет. Подходим мы к тяжести, а это ящик с кафельной плиткой.

Пока мы в вагоне кочевряжились, милиция подоспела. Задержали злоумышленника. Строитель оказался. Подработать захотел, украл он на стройке плитку... Да видно робкий был очень. Шел и озирался. Мы его и увидели, а он нас...

Вот и побегали от души.

ВЧЕРА КОТОВ ДУШИЛИ, ДУШИЛИ...

Каждый, кто служил в КГБ, прекрасно помнит, какие высокие требования стояли перед оперативными работниками, если решался вопрос о возбуждении уголовного дела. Все факты должны были быть проверены и перепроверены и даже двойное толкование какой-либо фразы должно было быть исключено, за что спрашивали, что называется по полной программе. Не дай Бог, если следователь в процессе работы не подтвердил изложенный в документе факт. А уж если дело касалось работы по шпионажу то степень ответственности возрастала десятикратно. Международные отношения понимаешь...

Ловили шпиона можно сказать почти поймали. Осталось только подшить документы и отдать в следственную службу и надо было перепроверить на месте ли у шпиона шифр-блокнот средства для тайнописи и другая дребедень полученная из разведцентра. Надо так надо. Собрали бригаду специально обученных людей, да и полезли помолясь в его квартиру. Но Бог не фраер. Он все видит тем более беззаконие. Только приоткрыли дверь как что-то нырь между ног. Остолбенели все явно животное но никто в этой нервотрепке не зафиксировал какого цвета размера а тем более пола. В общем

конфуз. Шлют депешу Юстес - центру «сбежала какая-то тварь шлите подмогу».

А дело было накануне 8 марта и народ в конторе уже принаряженный праздничный.

Короче человек десять расфуфыренных джентльменов с Лубянки мчатся товарищей из беды вызвалять. Пока одни работают, бригада зачистки по чердаку пыль поднимает. Голубиный помект, паутина, известка полный набор радостей для домового. Головами о стропила бьются, летучих мышей пугают.

Ну и естественно родственников объекта вспоминают. Virtuозно очень и радостно...

Часа через два счастливые и довольные в птичьей помете и паутине волокут беглеца рыжего одноглазого. Ну, естественно, навешали ему от всего своего щедрого пролетарского сердца, дабы впредь неповадно было. А тут и товарищи работу закончили. Все чин-чинарем шифр-блокноты как и положено в тайнике котяра мерзкий в квартире.

Вторая серия началась после ареста агента. Оказалось, что в суете да спешке вместо пушистой Мурки в квартиру был водворен одноглазый мерзкого вида котяра.

- Все понимаю,- удивлялся арестованный но кота-то зачем подменили?

В общем вчера котов душили, душили...

Не верь если на заборе написано...

Смеяться право не грешно. Так утверждают оптимисты. Однако смех бывает разный. Бывает радостный, бывает гомерический. Бывает нервический. Это особое состояние, когда, как утверждал полководец «От великого до смешного один шаг».

Этого шпиона чекисты звали белокурой бестией. И потому что был блондин и потому, что хитрость его раньше него родилась. Ох и намучились с ним чекисты. Но в России на такую бестию всегда найдется что-нибудь с винтом.

Этакое!

И вот приблизился час расплаты. Звездный час. Чекисты били в бубны и кололи дырки в лацканах.

Для агента уже был заложен тайник, который денно и ночью бдили, как сокровища янтарной комнаты. Одно смущало, что заложен он на пустыре.

Но как уже говорилось, что с «винтами» у нас все в порядке. Ночью на этом пустыре возник забор. А на заборе надпись - «строительство многоэтажного дома». И даже фамилия прораба с телефоном.

Проведенная вражескими разведчиками проверка ничего этакого подозрительного не обнаружила.

Утром, выпив чашечку кофе и затянувшись бычком агент вышел из на тропу холодной войны. Более десяти часов он проверялся. Менял машины, прыгал с поезда на поезд метро и нырял в проходные дворы в поисках хвоста.

Все чисто!

Ха-ха! Наивный он даже не подозревал, что его судьба уже расписана по секундам на ближайшие несколько лет. И расписывали эту судьбу те, кто сейчас...

Именно там, за забором. Где разворачивалось отдельное действие. Черные «Волги», люди в не менее черных костюмах. Группа захвата и самое главное стол с проводным телефоном, дабы разговорами в эфире не спугнуть врага.

А враг метался по Москве даже не предполагая, какой сюрприз ему уготован.

Но наступало время «Ч». Он стремительно приближался к закладке. И стремительно впереди него неслась молва. Она как реостат поднимала уровень адреналина в крови людей за забором. Адреналин уже поднимался к ушам.

Сейчас-сейчас!

Десяток глаз прильнул к заранее насверленным в заборе дыркам.

До объекта «пятьсот метров». «Четыреста!. Триста, Двести, сто.

О, звездный час!

В предвкушении развязки публика так навалилась на забор, что тот...

Такого не ожила никто. Ни невольные свидетели, ни руководство на Лубянке, ни руководство в Лэнгли.

Забор упал.

Упал прямо перед капотом ничего не подозревающего агента!

Ни Станиславскому, ни Гоголю такая немая сцена присниться не могла.

Десяток джентльменов застыли в положении буквы «Г». Замер с трубкой в руках связист за столом. Остолбенел от радости агент за рулем.

Первым прорезался голос руководителя операции «Брать!»

Для группы захваты дело нехитрое. «Брать так брать!»

Но тут началась вторая серия.

То, что агент человек большой и крепкий знали все. То, что он имеет черный пояс по карате знали некоторые. Но то, что он двухметрового роста и только с третьей попытки садился в машину не предусмотрел никто. Выдернутый из салона в полубморочном состоянии он разогнулся как складной метр. Когда его приставили к «Волге», а потом опрокинули на крышу, то его голова свесилась к окну водителя.

Осталось дело за малым - впихнуть его внутрь. А вот здесь возникли проблемы. Как Ивашка на лопате у Бабы Яги он раптарачился и даже пытался что-то нечленораздельное мычать. «Я есть гражданин иностранного государства... Сей момент подайте Консула».

«Консула» он получил сразу. Тот был большой и холодный. А потому дальнейшие действия проходили без осложнений. И машину сел он без особых возражений.

Все закончилось благополучно. Агент отбыл куда положено.

Но над этой историей потом долго смеялись. Гомерически! Даже Гомер бы позавидовал.

А агенты поняли - не верь, что на заборе написано.

Не все топливо, что блестит...

Однажды контрразведчики получили сигнал о том, что некто, назовем его «Степан» пытается найти иностранного разведчика, чтобы продать им великую тайну. А узнали они это просто. Офицер безопасности одного из Посольств привез на Лубянку письмо, которое было подброшено в машину дипломата. Дескать, пишется в письме, если вы хотите получить образцы твердого топлива для советских ракет, то оставьте на столбе, что на Кутузовском проспекте метку. Крестик губной помадой. А потом я оставлю записку с указанием места, где вы найдете дальнейшие инструкции для наших действий.

Читают чекисты это письмо, а иностранец хитро так на них смотрит, дескать мы не лыком шиты, на провокации не поддаемся.

Ну поблагодарили его бдительность и международную чекистскую солидарность, да и проводили восвояси.

А у самих голова болит «А что если это доброжелатель и вправду доступ к столь секретному продукту имеем? А что если он его и вправду найдет себе покупателя из какой-нибудь недоразвитой капиталистической страны? А что если те купят столь важный продукт?..»

Короче без опыта сына ошибок трудных никак.

В яркий погожий день на указанном столбе появляется метка. А через некоторое время и весточка... Как ее чекисты получили рассказывать не будем. Не о том речь.

И вот в условленное время, в условный час состоялась встреча.

От «иностранной разведки» пришел человек немолодой и обаятельный.

Злоумышленник, или как их называют «инициативник» также человек недурной наружности. Встретились, поболтали. Продавец о себе рассказал, дабы заинтересовать потенциального покупателя. Окончил МИФИ, работал в закрытом институте, имеет возможность за хорошие деньги продать то, что весьма интересует не одну разведку мира – образец твердого топлива для ракет. «Наш» на хорошем ломанном русском языке начинает торговаться. «Я есть не понимаю, как вы будешь это топливо доставать? И почему мы должны верить, когда речь идет о такой большой сумме?»

А тот понимает, что все шпион понимает. И что торгуется только для\проформы.

Торгуются они торгуются. Но делать нечего надо соглашаться. Уйдет клиент, ищи потом ветра в поле. А потом удивляйся почему «их» ракеты на нашем твердом топливе летают...

Ударили по рукам. Сговорились, что тот привезет образец. И при передаче образца инициативник получит свой аванс.

Естественно что ЧК увидев раз не забывает никого. Через некоторое время собрали чекисты досье на этого негодяя.

Действительно и институт он указанный окончил, и закрытом НИИ работа, и связей у него среди секретных специалистов немало... И биография у него богатая. Правда все ее эпизоды одним словом можно назвать авантюрист.

Ну, просто все сходится...

Понятно, что не оставили его без своего внимания и опеки.

Через некоторое время получают информацию, что выезжает он за пределы Москвы, в сторону мест, где это топливо производится.

Понятно, что с ним в вагоне людей посторонних один проводник. Целая бригада оперов глаз с него не спускает ни день ни ночь.

Но промашка вышла целую неделю за ним работали, а в какой-то момент отпустили. Не углядели.

Да и что глядеть, если он целый день спит, а по вечерам утехам разным предаётся. И чем больше предаётся, тем больше подозрения – «А вдруг усыпляет бдительность». Так и случилось усыпил.

На целый день из поля зрения пропал. А как снова появился, так сразу в Москву засобирался.

И снова «литерный» вагон глаз не смыкает. Правда, сам клиент глаза сомкнул. А чекистам того и надо. Пощупали багаж и пот их прошиб. Точно – твердое топливо. Правда на ощупь не поймешь, но камни какие-то...

В Москве начальство уже покупает самоучитель игры на бубне, для исполнения маршей в торжественный час. Опера дырки в мундирах сверлят.

Брали шпиона красиво, как в кино. «Иностранец» верещал угрожая подать на всех в Гаагский суд. Сам же инициативник только головой крутил, да побрякивал.

Доставили его в приемную КГБ торжественно, как государственный Штандарт.

Но... когда сверток развернули, то глазам не поверили. На столе лежали куски антрацита. Обычного угля каким печи топят.

Оказалось, что все было банально до пресноты. Прохиндей, промотавший все деньги решил «обуть» на некую сумму иностранную разведку. Расчет был прост – времени на проверку у

шпионов не будет, а аванс он и в Африке аванс. Тем более, что на полную сумму гонорара он и не рассчитывал...

Взяли его с поличным чекисты. А жаль...

И нюх, как у собаки, а глаз, как у орла...

Стрелять для чексита дело последнее. Его оружие голова. И желательно холодная. Но бывают ситуации, когда ствол обнажить надо. А обнажил – стреляй.

Замучили рекетиры коммерсантов. Только товар привез, они тут как тут. И не всегда милиция защитит. Вот бегут они родимые на Лубянку.

Так было и в этот раз. Замучили данью одного предпринимателя. Решили он за помощью обратиться. Пришел в КГБ.

Естественно, что помощь ему оказали. Выделили бойцов, продумали все мелочи и с Богом...

Дело было на Щукинской, неподалеку от Центрального госпиталя КГБ.

Все прошло, можно сказать гладко. Если не одно НО...

Не все просчитали. Не заметили одного соучастника. А тот всех высчитал. И бросился бежать.

Естественно погоня.

Но это в кино все красиво. Он бежит, его догоняют... Здесь все прозаичнее. Бросился за ним в погоню старый опер, который ГТО с первой русской революции не сдавал. Бежит, сопит, кричит гортанным голосом «Стой стрелять буду!» Какой же дурак будет

стоять, если в него будут стрелять... И поддает он от этого гортанного, предсмертного крика.

Совсем сдал догоняла. И может быть ушел преступник если бы не чекистская смекалка. Остановил он частника, да мчится на Жигулях за своей жертвой по трамвайным путям. Справа и слева высокие заборы, а потому путь у того один, как у зайца в лучах фар.

И снова “Стой, стрелять буду!” И стреляет.

Сделав пятнадцать предупредительных выстрелов чекист понимает что в стволе последний патрон. А тут и заборы кончились. Перекрестился чекист и бьет без промаха... Короче портит преступнику шкуру.

На утро, вестимо приглашают в Прокуратуру – держать ответ, при каких обстоятельствах применено оружие. Закон у нас такой – раз стрелял – доложи...

Молоденькая прокурорша естественно вопрошает: “При каких обстоятельствах вы применили оружие?”

“... когда я увидел в его руках гранату...”

“Предмет похожий на гранату.” – уточняет она.

“Нет гранату” – упирается опер.

“Помилуйте, как вы могли определить это? Наверное все-таки предмет похожий на гранату” – снова уточняет она.

“Гранату!” – стоит на своем опер.

“Сколько было времени?”

“Девять вечера”

“То есть уже темно? (была зима)”

“Да”

“Какое между вами было расстояние?”

“Метров двадцать”

“И вы разглядели гранату?”

“Да!”

“Какое у вас зрение?”

“Минус три”

Пожала девушка плечами.

“Простите, а что на стене написано?”

А там аршинными буквами “Не курить”

“Я не вижу что на стене написано, но в руках у него была граната. Я ее по запаху чую.

В общем “и нюх как у собаки и глаз, как у орла”.... Можно было бы сказать.

Но секрет прост: старики учили чекист должен быть сродни партизану “Ни в чем не признаваться. Даже если гранату не видел... в принципе”

Сага о валенках.

Ночь. Зима. Улица. Фонарь.

Бригада сотрудников наружной разведки работает за объектом.

А тот по городу, сквозь пугру мотается. Несколько часов. У разведчиков уже лампочка начинает помаргивать. Заправиться пора, да некогда.

И вдруг он выезжает за город. Сквозь снегопад он тащит за собой хвост наружного наблюдения. Все дальше от Москвы уходит. Вот уже и огоньки исчезли за спиной.

Короче помотал он их по какому-то поселку остановил машину около дома, да шнырь в подъезд.

Заметили адресок, да в Москву разведчики двинули. Но куда ни повернут то тупик, то гаражи.

Мотаются по поселку, как по городу Зорро. Заколдованный какой-то. Сквозь снегопад ни дороги, ни указателей не видно. Понимают, что придется им коротать ночь в машине.

Вдруг как из под земли ГАИшник. Обрадовались опера ему как своему спасителю. Подлетают к нему на всех парах и в несколько глоток “Где Москва!”

А он руками машет и что-то нечленораздельное мычит.

Они ему “Где Москва?”.

А он мычит.

Поняли, что ненормальный какой-то... Только отъехали, а он бац, и упал.

Подбежали к нему, а он им “Идиоты! Вы же мне на валенки наехали”

Зима, однако, не лето.

Без клавира не входить.

Работал у нас опер. Но необычный, а после консерватории. Даже концертмейстером работал перед приходом в КГБ. Малый симпатичный, с юмором.

И вот однажды требуется нам для беседы доставить в Управление студента той же Консерватории. Кому ехать? Естественно нашему пианисту. Он всю свою сознательную жизнь в общаге консерватории прожил.

Прибыл он туда ни свет ни заря. Пока все еще тепленькие. Нашел комнату, где студент живет. Стучит. Тишина. Заглянул, а там никого, только на пианино ноты этюдов Брамса.

А тут и студент вернулся. “Ну, гражданин собирайтесь!” Тот сразу понял, что люди в кожаных пальто просто так по утрам по общежитиям не шастают.

Пока он ногой штанину пытался поймать, наш откинув фалды пальто за фортепиано сел. И как вдарит и по белым и по черным с листа этюд Брамса. Студент и окаменел с брюками в руках. Смотрит и не поймет, кто кого разыгрывает. То ли этот в кожаном пальто его, то ли Брамса...

Так его в невменяемом состоянии в приемную и доставили.

Сама беседа на него впечатления не произвела. Но Брамс!...

Ирония судьбы...

Реализует опер материалы по незаконному хранению оружия. Прибыл к адресу клиента, который целый арсенал под кроватью хранит. Стоит у дома, ждет группу захвата.

Час ждет. Нет никого. Звонит в Управление. «Выехали, жди!»

Ждет еще час. «Да куда они подевались» – орет.

«Тебе сказали выехали! Жди!»

Ждет еще. Снова кончается терпение. «Вы что там с ума посходили! Три часа жду!»

Еще через час звонит. Подходит руководитель группы захвата. «Вы где были?»

«В адресе.»

«В каком адресе, если я вас тут три часа жду!»

«Как в каком?- удивляется тот. В нормальном. Мы и оружие изъяли».

Вот и поговорили

Хуже нет, когда у человека фамилия числительное. Например Иван Третий, Николай Второй... С царями ясно. Царь, он и в Гонолулу царь. Хуже если фамилия такая у простого смертного. Даже компьютер Прописную букву фамилии ошибкой считает.

Был начальником одного райотдела полковник по имени Сороковой. Много он от этой фамилии натерпелся.

В Управление КГБ пришло новое пополнение. Распределили молодых офицеров по службам и отделам. Самым престижным, безусловно было попасть в аппарат Управления. Это вам не на «земле» работать.

У некоторых от такого назначения просто голова кружилась.

Так было и опером о котором рассказ. Важный был по молодости, пока спесь не сбили...

Надо ему было позвонить было в райотдел, где Сороковой начальником.

Набрал номер и попал прямо на хозяина.

«Сороковой слушает!»- говорит он.

«Соедините меня с начальником райотдела» – отвечает опер.

«Сороковой слушает!» – снова повторяет тот.

«Соедините пожалуйста с начальником» - вновь просит опер.

«Сороковой слушает» – раздражается начальник.

«Слушай, сороковой, ты мне дашь начальника или нет» – каипятится уже опер.

«Я вам сказал, что Сороковой слушает» – уже рычит в трубку полковник.

«Да мне плевать, что ты слушаешь, - вышел из терпения опер, - Мне начальник нужен!»

«Я вам сказал что Сороковой слушает, - уже и трубка от злости раскалилась.

«Я тебе не Кобзон, чтобы меня слушать» – расвирепел опер – Начальника давай!»

«Вам что сто раз повторять, что Сороковой слушает!»- вышел из терпения тот.

«Идиот! – перешел на личность опер.

«Идиот! – вторит ему Сороковой.

И бросили трубки.

Вот так и поговорили.

Так, что хуже нет, когда фамилия числительное.

Ну так и носите...

Молодой опер должен задержать старого еврея валютчика.

- Гражданин, предъявите документы! – обращается он.

- А вы кто? – смотрит поверх очков еврей.

Опер гордо достает красную книжечку с золотым тиснением «КГБ».

- Это что? – продолжает удивляться еврей.

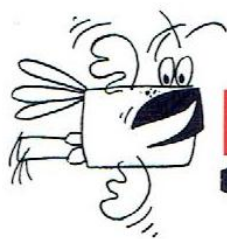
- Вы что читать не умеете?

- А что здесь написано. – поднимает очки и читает – «Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение оружия».

Ну так храните и носите... Я то здесь при чем?

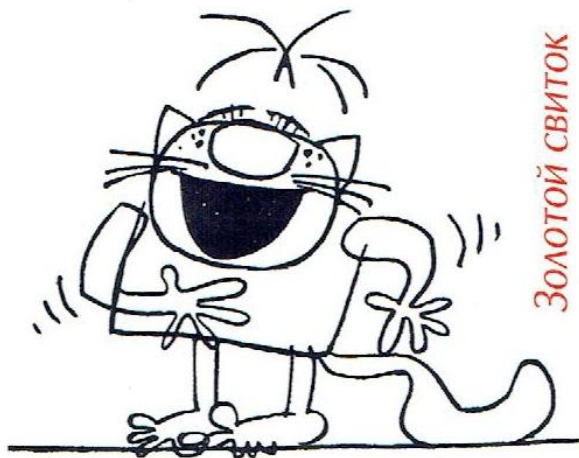
А город подумал ученья идут.

Спецназ одной силовой структуры проводил ученья в горах Северного Кавказа неподалеку от Сочи. Ученья, как ученья. В масках, касках с автоматами. Бойцы в боевой окраске прятались, передвигались, окапывались. Все как обычно. Если бы не одно обстоятельство – ученья на Кавказе, где как известно не очень простая оперативная обстановка.

БАЙКИ **С ЛУБЯНКИ**

Александр Михайлов

Золотой свиток

ISBN 978-5-903682-01-0

9 785903 682010 >